



ARTICLE INFO

Qabul qilindi: 25-May 2025 yil

Ma'qullandi: 28-May 2025 yil

Nashr qilindi: 31-May 2025 yil

KEYWORDS

русская ментальность, Л.Н. Толстой, «Война и мир», «Анна Каренина», духовность, национальный характер, коллективизм, культурный код..

ВОПЛОЩЕНИЕ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Н. ТОЛСТОГО

Диана Эдуардовна Салихова

Магистрант 1 курса Кокандского государственного
университета

dianasalikhova777@gmail.com

+998905077571

<https://doi.org/10.5281/zenodo.15590847>

ABSTRACT

В данной работе анализируется воплощение русской ментальности в произведениях Льва Николаевича Толстого, в частности, в романах «Война и мир» и «Анна Каренина». Исследование выявляет, каким образом национальный характер, с присущим ему духовно-нравственным поиском, коллективизмом и особым чувством совести, отражается в образах и сюжетах этих произведений. Делается вывод о том, что Толстой, сочетая детальный бытовой реализм с философскими размышлениями героев, создаёт своеобразный «культурный код»

Русская ментальность часто понимается как совокупность духовных ценностей, норм поведения и историко-культурных традиций, определяющих представления о нравственности, коллективизме и религиозно-философских исканиях. Творчество Льва Николаевича Толстого считается одним из наиболее ярких художественных воплощений этой ментальности, поскольку писатель, детально описывая быт и социальные реалии, в то же время глубоко исследует внутренний мир своих героев. Особый интерес представляют романы «Война и мир» и «Анна Каренина», в которых Толстой использует масштабные исторические события и семейно-бытовые конфликты, чтобы показать, как герои ищут собственный путь к истине.

М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Н.А. Бердяев с разных позиций подходили к вопросам о национальном характере и специфике русской культуры. М.М. Бахтин, указывая на полифонию в русской классике, подчеркивал, что у Толстого каждый персонаж обретает собственный голос, отражающий не только личное, но и общественно-историческое измерение [Бахтин 2013, с. 24]. Ю.М. Лотман концентрируется на сочетании священного и обыденного в русской культуре, что у Толстого проявляется в переплетении религиозно-нравственных исканий с бытовыми деталями [Лотман 2002, с. 12]. Н.А. Бердяев говорил о «русской идее» как о стремлении к абсолюту; соответствующие мотивы чётко читаются в духовных поисках Пьера Безухова и князя Андрея Болконского [Бердяев 2015, с. 21]. Д.С. Лихачёв подчеркивал, что русская литература XIX века отличается особым вниманием к «живой душе» человека, его совести и нравственным страданиям [Лихачев 1971, с. 34]. Б.В. Эйхенбаум в своих исследованиях о Толстом и русском реализме также отмечал, что писатель не ограничивался описанием внешних событий, а стремился проникнуть вглубь

моральных конфликтов, используя приёмы психологического анализа [Эйхенбаум 2019, с. 84].

В. В. Зеньковский в «Истории русской философии» назвал Л. Н. Толстого «страстным искателем правды и смысла жизни» [Зеньковский]. Поэтому правовые воззрения Л. Н. Толстого следует рассматривать не изолированно, а в глубокой связанности с экзистенциальной проблематикой. При этом именно В. В. Зеньковский, давший высшую положительную оценку толстовским философским воззрениям, характеризует его взгляды («панморализм») в терминах «мистического и педагогического анархизма». И термин «анархизм», имеющий явно отрицательную коннотацию, становится спутником интерпретации идей Л. Н. Толстого.

Здесь необходимо сделать одно принципиально важное уточнение: все уничижительные характеристики Л. Н. Толстого в терминах «нигилизма», «морализма», «позитивизма» и т.д. не согласуются с его статусом всемирно признанного гения и великого писателя мирового уровня. Это говорит о том, что к личностям такого масштаба не применимы оценки из обыденного, тем более политического словаря. И для понимания его идей необходимо по возможности реконструировать целостную систему его воззрений, чтобы понять их «нигилистический» исток и сущность. Остановимся на некоторых с нашей точки зрения важных нравственно-метафизических идеях писателя, помогающих раскрыть его особое отношение к вопросам права.

Основой исследования послужили тексты романов «Война и мир» и «Анна Каренина», а также письма и некоторые публицистические высказывания Толстого, в которых он формулирует свои взгляды на религию, нравственность и социальную справедливость.

Толстой придаёт большое значение внутренним преобразованиям своих героев. В «Войне и мире» князь Андрей Болконский, получив тяжёлое ранение под Аустерлицем, начинает переоценивать прежние светские амбиции. В его сознании звучит тревожный вопрос: **«Неужели это всё, что есть в жизни?»** [Толстой 1951, Т.2, с. 123], указывающий на коренной сдвиг в его мироощущении. Этот эпизод символизирует духовный прорыв героя и подчёркивает черту русской ментальности – стремление к поиску высшего смысла за пределами повседневных целей.

Коллективизм как важная составляющая русской ментальности особенно выражен в сценах подготовки к Отечественной войне 1812 года. Толстой показывает, как различные сословия – дворяне, крестьяне, горожане – объединяются против внешней угрозы. В одном из эпизодов звучат слова: **«и старый и малый готов грудью встать за Россию»** [Толстой 1951, Т.3, с. 236], отражающие солидарность в минуту опасности. При этом писатель не идеализирует народ, раскрывая и слабые, и сильные стороны, однако в его изображении именно в простых людях кроется искреннее чувство патриотизма и нравственной силы.

Роман «Анна Каренина» сосредоточен на трагедии героини, которая решается выступить против условностей высшего света, следуя велению сердца. В внутреннем монологе Анны звучит отчаянный вопрос: **«Что мне до их мнения, если нет счастья в душе?»** [Толстой 1978, ч.4, с. 157], подчёркивающий конфликт между личным чувством и давлением общественной морали. Толстой показывает, насколько разрушительным

может быть такое столкновение с жёсткими нормами, а вместе с тем раскрывает глубину эмоционального мира героини, которая ощущает себя в ловушке предрассудков и собственной страсти.

Пьер Безухов, один из центральных персонажей «Войны и мира», высказывает идею о том, что **«Если бы все воевали только по своим убеждениям, войн бы не было»** [Толстой 1951, Т.4, с. 452], тем самым выражая типично толстовское неприятие насилия и призыв к нравственному переосмыслению общественных явлений. Это позволяет судить о том, что Толстой с особым вниманием относится к категории совести как внутреннему регулятору поведения человека, указывая читателю на глубоко укоренённые в русской традиции этические принципы сострадания и всепрощения.

При всем многообразии воззрений Л. Н. Толстого во всем его творчестве есть одно безусловное ядро, проходящее от начала до конца: это этические воззрения, которые нельзя понимать в рамках аристотелевской парадигмы этики, так как здесь речь идет о чем-то большем. Нам было дано фундаментальное нравственное учение, которое определило не только эстетическую, но и жизненную позицию писателя. Такой взгляд позволяет более масштабно постичь глубину этических воззрений Л. Н. Толстого не как узкого «морализма», но как концептуальную философию морали, в основе которой лежит не дидактика, а метафизика самого зла. Именно метафизический характер зла, открывшийся Л. Н. Толстому в результате его творческой работы, порождает наиболее адекватную этой метафизике этику непротивления. Здесь корень специфики этого учения, распространяющегося на все, в том числе и на правовые сферы жизни.

Именно как «откровение» трактует идею непротивления Л. Н. Толстого В. Н. Назаров: ««Этическое обращение» Толстого совершилось в начале 1870-х гг., когда он пережил откровение нравственной истины непротивления злу, ставшей для него источником подлинной веры и лейтмотивом всего творчества и жизни. С этого времени Толстой последовательно и настойчиво пытался донести до других смысл явленного ему откровения» [Назаров 2006, с. 91]. Эти откровения были, как правило, не понятны и поэтому не поняты современниками.

Анализ романов «Война и мир» и «Анна Каренина» показал, что русская ментальность у Л.Н. Толстого предстает как сплав исторического контекста, личного духовного опыта героев и коллективной культуры. Во-первых, стремление к нравственному совершенствованию и поиску истины проходит красной нитью через судьбы князя Андрея, Пьера Безухова и Левина. Во-вторых, народное единение на фоне национальных катаклизмов (Наполеоновские войны) раскрывает глубину коллективных ценностей, зачастую превалирующих над сословными различиями. Наконец, трагедия Анны Карениной свидетельствует о том, насколько болезненным может быть разрыв между внутренними чувствами и социальными условностями, что также указывает на важнейшую роль нравственных императивов в русском общественном сознании.

В конечном счете, в отличие от социальных реформаторов и утопистов, Л. Н. Толстой не формулирует общественную программу в точных и строгих определениях. Как философ он не знает ни конечного идеала, ни истинного общего блага, но твердо уверен в том, что в своем совместном бытии люди должны в большей мере уповать на

внутренние моральные критерии, а не на внешние правовые нормы. В реальности всегда имеет место обратное: отсюда и толстовский морализм, нигилизм, анархизм и т.д. Итак, «вечный закон добра» – не вымысел и не мечта, а реальное требование, исходящее из человеческой природы, из ее изначальной неповрежденной сущности. Этот закон настолько универсален, что охватывает все сферы человеческого бытия. Это своего рода правовой идеал Л. Н. Толстого, основанный на моральном императиве. Только в такой фундаментальной связанности морали и права и можно воспринимать идеи писателя. В этом смысле работа Л. Н. Толстого по обнаружению этого начала может считаться работой по нравственному оздоровлению человека и общества, без которого все усилия в области улучшения правосознания и повышения правовой культуры ни к чему существенному не приведут.

Литература:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: RUGRAM, 2013. – 444 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. – Азбука, 2015. – 320 с.
3. Зеньковский В. В. История русской философии. – М.: Академический проект; Раритет, 2001. – 880 с.
4. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – Л.: Наука, 1971. – 388 с.
5. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2002. – 769с.
6. Назаров В. Н. История русской этики. – М.: Гардарики, 2006. – 319 с.
7. Толстой Л.Н. Анна Каренина: Роман в 8 частях. – М.: Художественная литература, 1978. – 784 с.
8. Эйхенбаум Б.М. Молодой Толстой. – М.; Л.: Кабинетный ученый, 2019. – 232 с.

INNOVATIVE
ACADEMY